

Istoriā srednīkh věkov

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ
И ИЗСЛѢДОВАНИЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ.

М. Стасюлевича.
Stasiulevich

Handwritten signature or initials, possibly 'Л. Г. Г.' with a large cross mark below.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ: ОТЪ КАРЛА ВЕЛИКАГО ДО КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ. 771—1096.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РОГАЛЬСКАГО И К^о.

1864.

Оригиналъ помѣщенного нами въ заглавіи медальона Карла В. (Karolus rex) найденъ Пертцемъ въ 1827 г. въ одномъ изъ Парижскихъ музеевъ на древней картѣ, данной монастырю С. Дени, и снимокъ съ него приложенъ къ его же третьему изданію «Жизни Карла В.», Эгвингарда. Берл. 1863.

ЕЩЕ О ФОРМАЛЬНОМЪ И РЕАЛЬНОМЪ МЕТОДѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ИСТОРИИ.

Окончивъ теперь новый и предпоследній отдѣлъ издаваемого мною труда, я не могу не признать, что нынѣшній разъ моя работа происходила при болѣе выгодныхъ условіяхъ: выпускъ перваго тома доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ критическими взглядами нашихъ спеціалистовъ и педагоговъ относительно вопроса, который меня занималъ уже давно. Пусть само продолженіе моего труда говоритъ, на сколько я счѣлъ воспользоваться всѣмъ высказаннымъ въ нашихъ органахъ журнальной критики, какъ относительно сущности самого дѣла, то есть, основной мысли, ради которой я рѣшился взяться за трудъ подобнаго рода, такъ и относительно подробностей его выполнения. Конечно, для послѣдняго, мнѣ ничего не оставалось, какъ удвоить свое вниманіе, чтобы избѣгнуть недосмотровъ и ошибокъ; но къ сожалѣнію, всякій знаетъ, что и самое напряженное вниманіе человека можетъ только уменьшать ошибки, но никакъ не служить автору ручательствомъ его непогрѣзительности. Что же касается до основной мысли, вызвавшей мой трудъ, и какъ она была выражена мною въ первой статьѣ предыдущаго тома, подъ заглавіемъ: „О формальномъ и реальномъ методѣ преподаванія исторіи“ (I — XVI стр.), то по сознанію даже тѣхъ изъ моихъ критиковъ, которые хотѣли быть особенно строгими къ моему труду, значеніе его не измѣняется отъ моихъ личныхъ взглядовъ на методъ преподаванія исторіи, были ли они правильны или неправильны. Такъ именно выразился и одинъ изъ тѣхъ критиковъ, говоря, что моя „книга очень хорошая и будетъ полезна для преподавателей; она гораздо лучше своего предисловія“ (Педагогическая литература. Русск. Вѣстн. іюль, 1863, стр. 348). Если одобрены 700 страницъ, то для труда не-

большая потеря — осужденіе первых 16. Притомъ, и написанное мною предисловіе къ первому тому, и выше указанная критика на него, находятся теперь одинаково въ рукахъ читателя, который захотѣлъ бы интересоваться вопросомъ: какъ учить исторіи? а потому мы съ критикомъ сдѣлали каждый свое дѣло и должны предоставить третьему обсудить, кто изъ насъ ближе къ истинѣ. Отъ меня же долгъ справедливости требовалъ одного: чтобы, продолжая свой трудъ, я поспѣшилъ указать каждому на неблагопріятное для себя мнѣніе, и доставилъ тѣмъ средство сравнить свое предисловіе и всю свою книгу съ критикою на нее даже и такимъ лицамъ, которымъ случайно послѣдняя не попадалась въ руки ¹⁾).

¹⁾ Исполнивъ этотъ свой долгъ, я и ограничился бы тѣмъ, если бы противъ собственной воли не былъ вынужденъ устранить то недоумѣніе, которое вызвалъ мой критикъ, выйдя собственно за предѣлы критики, и наложивъ тѣмъ на меня особеннаго рода обязанность. Въ своемъ разборѣ перваго тома, онъ взялъ на себя трудъ не только указать то, что онъ въ моемъ мнѣніи считаетъ «вѣрною мыслью, но переплетенною ложными взглядами и загроможденною пустозвонными фразами до того, что эта мысль терается въ общемъ хаосѣ и только кое-гдѣ проглядываетъ»; но критикъ не ограничился тѣмъ, что называется на техническомъ языкѣ «отдѣлать», онъ рѣшился объяснить источникъ и даже цѣль моихъ заблужденій. Предоставляя судить самимъ читателямъ серьезную сторону нашего разногласія, я вынужденъ взять на себя объясненіе однихъ источниковъ своихъ заблужденій. Критикъ, именно, утверждаетъ, что я «принесъ дань своему времени и тому обществу, въ которомъ живу». Если бы это и было справедливо, то почему же одни критики свободны отъ такой дани, въ отношеніи того общества, въ которомъ они живутъ? Притомъ мое время и мое общество есть также время и общество моего критика, и потому, кажется, они должны требовать отъ насъ одинаковой дани. По мнѣнію критика, наше время и наше общество страдаетъ тѣмъ, чѣмъ страдало аѳинское общество временъ Перикла, когда, по словамъ Фукиды, очень многіе любилъ *новить*, *νεωτερίζειν*, или, какъ мы выражаемся, дѣлать реформы. Но въ такія времена и критика имѣетъ своего рода опасности; ихъ знало и время Фукиды, которое изобрѣло слово *новить*, потому что это же время изобрѣло и другія слова: критикъ можетъ впасть въ погрѣшности аѳинскихъ «охранителей оливъ». По крайней мѣрѣ мы читаемъ у своего критика, что, въ наше время, «всякій считаетъ своимъ долгомъ расказать какойнибудь столбикъ, поддерживающій общественное зданіе, разрушить чтонибудь, даже если въ томъ нѣтъ никакой надобности, создать чтонибудь новое, даже если самъ не знаетъ что» (стр. 388). Но какимъ образомъ несогласіе двухъ лицъ относительно метода преподаванія исторіи можетъ вызвать такія размышленія и обвиненія противника въ намѣреніяхъ «расказать столбики общественного зданія»? Не значить ли это, по поводу оливъ, сказать то, что не имѣетъ никакого отношенія къ оливамъ? Не подумаетъ ли ктонибудь дурно о нашемъ времени и обществѣ, въ которомъ мы живемъ, по той дани, которую оно будто бы требовало себѣ отъ критиковъ? а именно, не скажутъ ли, что въ наше время, если хотѣли уронить чейнибудь трудъ въ общественномъ мнѣніи, то указывали только на то, что авторъ будто имѣлъ въ виду расказать столбики? Но я въ защиту своего времени и своего общества скажу, что оно ничѣмъ не отличается отъ другихъ временъ и другихъ обществъ, то есть, въ нашемъ обществѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, масса добраго и здраваго смысла перевѣшиваетъ все остальное и идетъ своимъ путемъ, растаптывая подъ собою и авторовъ и критиковъ на нихъ.

Поставивъ себѣ сначала задачею доказать, что я стремился къ радикальной реформѣ въ преподаваніи исторіи, мой критикъ переходитъ послѣ того къ опроверженію приписываемыхъ имъ же мнѣ притязаній на новизну. „Не скроемъ нашего удивленія, говоритъ онъ (стр. 350), по поводу того, что г. Ст. съ такою увѣренностью говоритъ о своемъ новомъ реальномъ методѣ, который долженъ начаться съ появленіемъ его хрестоматіи, и умалчиваетъ о томъ, что на *другихъ европейскихъ языкахъ* давно уже существуютъ подобные сборники. Если онъ этого не зналъ, то „на нѣтъ и суда нѣтъ“. Но существуетъ ли судъ противъ обвиненій, основанныхъ, напримѣръ, на слѣдующихъ основаніяхъ? Критикъ, въ доказательство своего мнѣнія, что на *другихъ европейскихъ языкахъ* давно уже существуютъ подобные сборники, указываетъ мнѣ, что еще въ 1812 году (собственно, 1813) былъ изданъ Раумеромъ сборникъ подъ заглавіемъ: „*Handbuch merkwürdiger Stellen aus den lateinischen Geschichtschreibern des Mittelalters, etc.*“ Критикъ, очевидно, увлекся тѣмъ, что Раумеру вздумалось дать своему сборнику заглавіе на одномъ изъ европейскихъ языковъ, но критику не пришло на мысль развернуть книгу, чтобы убѣдиться въ томъ, что, кромѣ заглавія и небольшого введенія, въ ней нѣтъ ни одного нѣмецкаго слова: Раумеръ, живя въ эпоху, когда изданія средневѣковыхъ лѣтописцевъ въ оригиналѣ были весьма рѣдки и малодоступны, составилъ краткій сводъ важнѣйшихъ лѣтописцевъ *въ подлинникъ*; это—прямо изданіе памятниковъ. Пертцъ сдѣлалъ въ громадномъ объемѣ тоже самое, и потому сказать, что я заимствовалъ свою идею у Раумера было бы тоже самое, что обвинить меня въ заимствованіи матеріаловъ у Пертца, изъ его Monumenta Germaniae. Въ наше время было бы даже ошибкою подражать Раумеру, 1) потому что, послѣ Пертца и другихъ собирателей это значило бы заниматься перепечатаніемъ напечатаннаго, а 2) и потому что моя работа вовсе не назначалась для строгихъ научныхъ изслѣдованій, которыя всегда должны основываться на подлинникѣ, а только для пособія учащимся и учащимъ, а даже быть можетъ и учившимся исторіи. Латинскій языкъ въ наше время утратилъ то значеніе, которое онъ имѣлъ въ средніе вѣка 1); это болѣе не разговорный языкъ цѣлой націи или по крайней мѣрѣ

1) Практическое значеніе, т. е. значеніе латинскаго языка, какъ языка живого, сохраняется и до сихъ поръ только для тѣхъ специалистовъ, которые посвящаютъ себя изученію жизни народовъ, употреблявшихъ этотъ языкъ, какъ живой; для такихъ лицъ, конечно, латинскій языкъ долженъ быть предметомъ предварительнаго изученія, но въ томъ же смыслѣ, какъ мы изучаемъ французскій, нѣмецкій, итальянскій и т. д. Никто не

образованнаго класса, ни письменный, ни дипломатическій, ни даже священни́й; онъ можетъ быть только предметомъ филологическихъ изслѣдова-

утверждаетъ, что для изученія исторіи Франціи XVIII вѣка нужно не только знать французскій языкъ, но и изучить его филологически. Не смотря на то однако у насъ держатся еще мнѣнія, что и въ наше время латинскій языкъ долженъ занимать тоже мѣсто, какое онъ занималъ въ X и въ XI вѣкѣ, но едва ли наши ученики, при всѣхъ громаднѣхъ усиліяхъ, дойдутъ до того искусства и совершенства въ латинскомъ языкѣ, до какого дошли Титмары Мерзебургскіе, Адамы Бременскіе, знавшіе наизусть Горація, Виргилія, Салустія, Цицерона и др. Составляетъ ли это ихъ преимущество? По крайней мѣрѣ, такой ученый, какъ Лаппенбергъ, говоря о безукоризненности и чистотѣ латинскаго языка одного изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ не могъ не высказаться откровенно, и пожалѣлъ, что такой превосходный писатель зналъ столь хорошо латинскій языкъ и до того увлекался привычкою своего времени, что не рѣшился писать на родномъ языкѣ. Точно также, всѣ безъ различія считаютъ большіимъ прогрессомъ въ средневѣковой образованности, когда латинскій языкъ былъ оставленъ и всѣ начали писать на языкѣ народа. Но сохраняя справедливость сужденія въ отношеніи среднихъ вѣковъ, мы не всегда можемъ рѣшиться на тоже, когда разсуждаемъ о своемъ собственномъ отношеніи къ латинскому языку. Совершенно понятно, что монахъ Рикеръ (см. у насъ стр. 655), медикъ конца X вѣка, долженъ былъ даже въ школѣ учиться латинскому языку, какъ нынѣ можно учиться только новѣйшими языкамъ, потому что въ ту эпоху онъ могъ почерпнуть свои медицинскіи свѣдѣнія только въ афоризмахъ 'Иппократа; но и онъ въ такое отдаленное время остался весьма недовольнымъ своимъ источникомъ, и говорилъ: «Оттуда я узналъ только признаки болѣзней, а одно познаніе признаковъ не удовлетворило моей жадности къ знанію». Ліутпрандъ родился въ Италіи, но до 10 лѣтъ не зналъ латинскаго языка, и выучился ему въ школѣ, потому что въ то время иначе онъ не сдѣлалъ бы, говоря нашимъ языкомъ, карьеры при дворѣ короля Гуго и Беренгарія II. Припоминая все это, невольно предлагаешь себѣ вопросъ: должно ли намъ оставаться въ тѣхъ же отношеніяхъ къ латинскому языку, въ какихъ стоялъ средневѣковой человѣкъ? Одна Англія въ наше время въ этомъ вопросѣ, какъ и во многомъ другомъ, сохранила привычку среднихъ вѣковъ; въ ея учебныхъ учрежденіяхъ, ведущихъ начало изъ глубокой древности, схоляръ удержалъ не только языкъ, но и одежду времени Титмара Мерзебургскаго. Этотъ примѣръ соблазняетъ многихъ и на него часто ссылаются при рѣшеніи иныхъ педагогическихъ вопросовъ; но противная сторона съ такимъ же правомъ можетъ сослаться на всю западную Европу въ X и XI стол., и показывать другой случай, когда латинскій языкъ изучался, напримѣръ, даже въ Гандерсгеймскомъ женскомъ монастырѣ (см. у насъ, 491 стр.), гораздо съ большимъ успѣхомъ, нежели нынѣ въ Оксфордскомъ университетѣ: по крайней мѣрѣ латинскіе стихи монахини Росвиты, этой извѣстной основательницы европейскаго театра, стоятъ гораздо выше латинскихъ стиховъ нынѣшнихъ оксфордскихъ студентовъ, а между тѣмъ никто не сошлется на средніе вѣка, желая доказать благотѣльное вліяніе латинскаго языка на народное образованіе; даже напротивъ, всѣ привѣтствуютъ паденіе латинскаго періода, и литературную эмансипацію отъ его ига новѣйшихъ языковъ. Въ средніе вѣка, а именно въ XI вѣкѣ, уваженіе и даже почти страхъ предъ римскою цивилизаціею были такъ велики, что не только было необходимо писать по латынѣ, но и избирать предметъ для историческаго разсказа только изъ древней исторіи; Випонъ, біографъ Конрада II, жалуется на то, что всѣ «любятъ писать и читать о дѣяніяхъ какого нибудь Тарквинія Гордаго, Тулла и Анка, отца Энея, свирѣпаго Рутула, оставляя въ совершенномъ забвеніи нашихъ Карловъ, и трехъ Оттоновъ». Авторъ, дѣлая такую шизму въ исторической школѣ своего времени, считаетъ даже для себя необходимымъ оправдаться въ глазахъ

ній, и потому даже въ Германіи и притомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія Раумеръ остановился на первой книгѣ своего Handbuch. Что же касается до христоматіи Пютца на которую указываетъ нашъ критикъ, то она дѣйствительно только христоматія, то есть, ограничивается перепечаткою въ извлеченіи изъ однихъ новѣйшихъ сочиненій, а я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ изложить главные моменты исторіи среднихъ вѣковъ въ ея собственныхъ писателяхъ, располагая ихъ такъ, чтобы отрывки имѣли значеніе обширныхъ цитатъ къ краткому тексту составленнаго мною историческаго обзора эпохъ.

Впрочемъ, говоря такъ, я не утверждаю, что я хотѣлъ сдѣлать что нибудь новое, а всего менѣе я думалъ уничтожить историческіе учебники. Если я называлъ господствующую у насъ систему историческаго преподаванія *формальною* и защищалъ *реальную*, то вовсе не для того, чтобы уничтожить одно и выставить все великое значеніе другого. Кто прочелъ безпристрастно мое предисловіе — *casus belli* — тотъ согласится, что я воевалъ только противъ исключительнаго преподаванія исторіи по учебни-

своихъ доктринеровъ, и желая представить *argumentum ad hominem*, говорить, что и вѣхій завѣтъ, хотя и излагаетъ дѣянія отцовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на необходимость заниматься и новѣйшими событіями, потому что и въ Библии есть писатели, говорившіе о временахъ, близкихъ къ себѣ. Не слѣдуетъ ли и намъ подумать *sine ira et studio* о томъ, все ли, что можетъ быть предметомъ работъ ученаго спеціалиста, какъ наприм. еврейскій языкъ, санскритскій языкъ, цивилизаціи которыхъ безспорно имѣли огромное вліяніе на все семейство народовъ, и мало уступали римлянамъ и грекамъ, все ли это по одному тому должно быть положено въ основаніе народнаго образованія, или должно желать только того, чтобы наша отечественная цивилизація имѣла, для изученія великихъ образованностей, своихъ отличныхъ представителей посредствомъ которыхъ она усвоивала бы себѣ ихъ прошедшее и тѣмъ вѣрнѣе могла бы идти къ своему будущему?

Графъ Уваровъ сказалъ когда-то: «Опыты всѣхъ вѣковъ и народовъ единогласно признаютъ классическое ученіе самымъ превосходнѣйшимъ и дѣйствительнымъ способомъ къ умственному развитію». Но не въ правѣ ли мы теперь прибавить: «кроме нашего опыта»? Не можемъ-ли мы сказать, что то убѣжденіе сложилось въ ту же эпоху, когда опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ единогласно признавалъ движеніе солнца около земли? Неужели другія науки и теперь находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ они находились въ средніе вѣка, когда отвѣчали на вопросъ: «Что такое растеніе?» — «Одежда земли!» и думали, что это ботаника? Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе, классическаго міра составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей человѣческаго знанія и въ настоящее время стоитъ выше, нежели въ средніе вѣка, но служить исключительною основою народнаго образованія въ наше время, какъ то было въ средніе вѣка, оно не можетъ уже по одному тому, что теперь прочія науки не находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ онѣ были въ X и XI вѣкахъ, ни по своимъ приемамъ, ни по своему содержанію. Впрочемъ, я буду имѣть случай говорить объ этомъ подробнѣе въ третьемъ томѣ, когда мы перейдемъ въ эпоху начала соперничества національныхъ языковъ съ латинскимъ.

камъ. Притомъ, уничтожить одинъ учебникъ, это значило бы только поставить себя въ необходимость искать другого. Учебникъ долженъ служить общему основанію, началомъ историческаго преподаванія, справочною книгою, но именно у насъ не доставало того, для чего приходилось бы справляться въ учебникѣ; и по необходимости учебникъ отправлялъ и другую чуждую ему функцію: онъ являлся въ глазахъ учащагося, а можетъ быть и многихъ учащихся — историческимъ источникомъ. Было бы ни съ чѣмъ несообразно утверждать и обратное, что только одно чтеніе историческихъ источниковъ должно составлять предметъ преподаванія исторіи; но несомнѣнно то, что учебники должны уступить такому чтенію надлежащее мѣсто; въ противномъ случаѣ учебникъ рискуетъ впасть въ фразеологію и риторику, если онъ при своемъ объемѣ будетъ стараться подѣйствовать не на одну память учащагося. Однимъ словомъ, въ преподаваніи исторіи нужно о многомъ подумать и можетъ быть отъ многого отказаться: число классныхъ уроковъ должно быть значительно уменьшено, чтеніе историческихъ матеріаловъ самими учащимися въ той же мѣрѣ значительно увеличено. Впрочемъ, я еще не кончилъ своего труда; а я и предпринялъ его именно для того, чтобы приготовить сначала матеріалъ для реформы, а потомъ уже высказать обстоятельно и то, въ чемъ должна состоять самая реформа. Изъ этого мой критикъ можетъ убѣдиться, что я всего менѣе старался „раскачивать столбики“ (см. выноску выше, на стр. VI), но прежде всего заботился о фундаментѣ того новаго зданія, которое можетъ быть будетъ построено не мною.

Мнѣ даже казалось, что моя работа не только не уничтожаетъ учебниковъ, но ставитъ имъ опредѣленную цѣль и дѣлаетъ ихъ хорошія качества еще болѣе необходимыми. Если я что утверждалъ и продолжаю утверждать, то это только то, что никакой учебникъ не можетъ считаться исключительнымъ средствомъ къ историческому образованію, и не только учебникъ, но даже и какое историческое сочиненіе, написанное по источникамъ, въ дѣлѣ воспитанія, не можетъ собою восполнить недостатокъ чтенія самихъ памятниковъ. Съ этимъ согласенъ былъ и Раумеръ, когда онъ говорилъ въ своемъ предисловіи къ упомянутому Handbuch, что „справедливо говоря, остается несомнѣннымъ, что чтеніе источниковъ даетъ *болѣе живое и болѣе справедливое понятіе объ исторіи, нежели чтеніе книгъ, составленныхъ по источникамъ*“. Если ничтожно мое мнѣніе, то историкъ „Гогенштауфеновъ и ихъ времени“ можетъ быть признанъ довольно компетентнымъ судьей въ подобномъ дѣлѣ. Грановскій, котораго нельзя не признать

основателемъ у насъ исторической науки, какъ общественнаго достоянія (см. о немъ ниже, на стр. 286), раздѣлялъ ту же самую мысль въ своемъ отзывѣ о поэмѣ „Сидъ“: „Неужели, говорилъ онъ, никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, *изъ котораго лучше, чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій*, можно понять жизнь Пиринейскаго полуострова въ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ его исторіи“? Слѣдуетъ ли изъ этихъ словъ, что и Раумеръ, и Грановскій отвергали пользу изслѣдованій по источникамъ и многотомныя разсужденія? — Не думаю: они утверждали только одно, что ученые работы, какъ и учебники, не могутъ замѣнить собою чтенія источниковъ, точно также и на оборотъ: одно чтеніе источниковъ не можетъ замѣнить учебника: каждое имѣетъ свою область. Возьмемъ, напримѣръ, эпоху борьбы Гейнриха IV съ Гильдебрандомъ; въ руководствѣ, если оно нѣсколько обширно, вы найдете: „Въ 1103 г., Гейнрихъ IV созвалъ сеймъ въ Майнцѣ, на которомъ былъ изданъ законъ, запрещающій баронамъ право частной войны“. Въ такомъ учебномъ и превосходномъ произведеніи, какъ напримѣръ, исторія франконскихъ королей Штенцеля, или въ другомъ подобномъ, мы найдемъ подробный анализъ знаменитаго закона 1103 года, разсужденіе о его значеніи, о вліяніи на эпоху, о причинахъ его безуспѣшности и т. д. Но ни учебникъ, ни Штенцель не произведутъ такого полнаго впечатлѣнія ¹⁾ и вмѣстѣ непосредственнаго, какъ одна страница современнаго біографа Гейнриха IV, епископа Люттихскаго Отберта; прочтите хотя эту одну страницу, и вы согласитесь, что только современникъ имѣетъ право на такой языкъ, на такія выраженія, которыя вырываются прямо изъ жизни и сохраняютъ всю ея силу и обаяніе **живого**:

„Такой законъ о мирѣ, говоритъ Отбертъ, года три спустя, послѣ его изданія, былъ столько же полезенъ несчастнымъ и добрымъ людямъ, сколько вреденъ негодяямъ и хищникамъ. Однимъ онъ доставлялъ кусокъ хлѣба, другимъ — голодъ и нищету. Тѣ, которые растратили свою собственность на военныя предпріятія, стараясь окружить себя значительнымъ числомъ сподвижниковъ и превзойти въ этомъ отношеніи другихъ, должны были, по лишеніи своего права на грабежъ — съ ихъ позволенія будъ ска-

¹⁾ Но я опять повторяю, что при всей полнотѣ такого впечатлѣнія еще болѣе необходимо учебникъ, чтобъ указать мѣсто этому впечатлѣнію въ ряду прочихъ фактовъ.

зано — вступить въ борьбу съ нищетою, и ихъ погребамъ овладѣли бѣдность и недостатокъ. Скакавшіе прежде на всѣнненномъ конѣ, теперь принуждены были довольствоваться деревенскою клячей. Кто недавно еще носилъ одежды, не иначе, какъ яркопурпуроваго цвѣта, теперь находилъ превосходнымъ, если онъ имѣлъ какую нибудь одежду, какъ ее окрасила природа. Золото радовалось, что его больше не топтали въ грязь, потому что бѣдность заставила носить шпоры изъ желѣза. Одниѣ словомъ все, что дурныя наклонности развили въ тѣхъ людяхъ (т. е. феодалныхъ баронахъ) суетнаго и излишняго, все это отняла у нихъ учительница — нужда. Теперь корабельщикъ плылъ мимо небольшихъ мѣстечекъ, жившихъ грабежемъ судовъ, совершенно спокойно, не опасаясь ничего со стороны голодныхъ ихъ обитателей. Все это изумительно и въ тоже время смѣшно!

„Другіе за зло платятъ зломъ, а императоръ (Гейнрихъ IV) за прошлыя оскорбленія платилъ миромъ. Не смотря на то, вельможи съ своими соучастниками, года два обуздываемые тѣмъ закономъ о мирѣ, не могли долѣе переносить стѣсненія своей свободы, и опять начали строить козни королю, распространяя о немъ дурныя слухи. Какое же преступленіе онъ сдѣлалъ, спрашиваю я васъ? Безъ сомнѣнія, именно то, что онъ предотвращалъ всякое насиліе и своевольство, водворялъ миръ и правду, не позволялъ скитаться по дорогамъ и скрываться въ лѣсу разбойникамъ; ему жестили за то, что, благодаря его усиліямъ, купецъ и корабельщикъ свободно и спокойно могутъ теперь продолжать свой путь, а разбойникъ, вслѣдствіе запрещенія грабежа, долженъ умереть съ голоду. Почему же, мнѣ хочется знать, вы не желаете жить ничѣмъ, кромѣ грабежа? Истратйте на ваши поля то, что вы брали съ нихъ для военныхъ издержекъ; соразмѣрьте число своей рати со своими средствами; пріобрѣтите опять свои имѣнія, которыя вы безразсудно растратили на наемъ многочисленныхъ воиновъ, и ваши житницы и подвалы наполнятся доверху; а когда у каждого будетъ довольно своего добра, вамъ не будетъ больше необходимости покушаться на чужую собственность. Не нужно тогда ни гнусной клеветы на императора, ни войнъ въ государствѣ; тогда и плоти своей удовлетворите, и, что всего важнѣе, спасете душу свою. Но напрасны мои убѣжденія: я предлагаю ослу играть на арфѣ (см. весь текстъ ниже, на стр. 802)“!

Говорить такимъ образомъ можно было только тому, кто жилъ при изданіи майнцскаго эдикта; составить такую картину недавнопрошедшаго, которое „скакало на всѣнненномъ конѣ“, и только-что перешло къ „кля-

чѣ* — на такіа краски, на такіа рѣчи можетъ имѣть право одинъ современникъ, и потому-то такая одна страница скажетъ намъ больше и пластичнѣе о характерѣ эпохи и ея людей, нежели цѣлое разсужденіе. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ обратить все высказанное мною въ каррикатуру; такъ и сдѣлать мой критикъ, когда хотѣлъ увѣрить, будто я предлагаю, какъ напр. въ этомъ случаѣ, вмѣсто исторіи правленія Гейнриха IV дать ученику прочесть только одну подобную страницу, и въ тоже время утверждаю, что мой ученикъ будетъ лучше понимать исторію, нежели тотъ, кто знаетъ по учебнику въ связи весь разсказъ о правленіи Гейнриха IV. Теперь, кажется, наши недоумѣнія — если только они могли быть и прежде — устранены совершенно: учебникъ историческій безъ чтенія памятниковъ мертвъ, но и чтеніе памятниковъ безъ учебника и безъ руководящаго преподавателя безплодно; если же неизбѣжны крайности, то въ такомъ случаѣ и все же отдасть бы преимущество послѣдней: отъ учебника, отъ сборника схемъ, невозможно дойти силою одного воображенія къ возстановленію жизни прошедшаго; а внимательное чтеніе памятниковъ путемъ синтеза, хотя и съ величайшимъ трудомъ, но приведетъ читателя къ схемамъ, къ обобщенію частнаго.

Мнѣ возражали еще, что какъ ни обширно мое изданіе, но оно далеко не исчерпаетъ полноты всего историческаго матеріала, что исторія классическихъ народовъ въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ несравненно болѣе педагогическимъ условіямъ, а именно, курсъ писателей греческихъ и римскихъ опредѣлился, можно сказать, окончательно, между тѣмъ какъ историческая литература среднихъ вѣковъ обогащается ежегодно: то открываются цѣлыя лѣтописцы, какъ недавно еще открыта огромная хроника монаха Рикера, то издаются мѣстныя грамоты, хартии и т. п. На чемъ тутъ остановиться, что взять? Древняя исторія къ сожалѣнію совершенно обезпечена отъ такихъ неожиданностей: развѣ найдется обломокъ камня съ нѣсколькими буквами, для возстановленія которыхъ пишутъ, правда, иногда цѣлый томъ, — или палимпсестъ, но общее не измѣняется; или иногда подшутить надъ нами схоляръ среднихъ вѣковъ, упражняясь для педагогическихъ цѣлей того времени въ искусствѣ и въ языкѣ Цицерона, но все это скоро очищается критикою, и главный цѣль писателей остается одинъ и тотъ же. Не знаю, на сколько такое преимущество древней исторіи предъ новою важно, но къ сожалѣнію время не много болѣе пощадило памятники среднихъ вѣковъ; и въ нихъ, какъ и въ древней исторіи, разрушительная работа времени была не мала, и изъ цѣлой группы писателей той или другой

эпохи, до насъ дошли также одни средневѣковые Геродоты; все писавшее вѣстѣ съ ними или до нихъ исчезло, какъ исчезли литературные труды современниковъ и предшественниковъ древняго Геродота; въ прологѣ къ хроникѣ Адама Бременскаго (см. у насъ 754 стр.) вы увидите, что авторъ былъ окруженъ множествомъ бумагъ, которыя однако до насъ не дошли. Эгингардъ говоритъ также, что при немъ была большая историческая литература, но только одинъ его трудъ не былъ снесенъ потокомъ времени. Такимъ образомъ, время и въ памятникахъ древней литературы, и въ произведеніяхъ средневѣковыхъ писателей, хотя и не въ равной степени, является первымъ критикомъ, который конечно не всегда былъ справедливъ въ истребленіи, но за то въ сохраненіи ему нельзя не отдать нѣкоторой справедливости: время иногда имѣло вкусъ. За то средневѣковая литература представляетъ съ другой стороны то преимущество, что она можетъ очищаться не одною случайною критикою времени, но и критикою науки; и дѣйствительно, въ нашу эпоху установился прочно вопросъ объ относительной важности того или другого писателя среднихъ вѣковъ, и цѣль ихъ историковъ сдѣлалась довольно ограниченною. Такимъ образомъ, задача, подобная моей, не можетъ быть названа безпредѣльною. Если съ распространеніемъ общенсторическихъ свѣдѣній, мой трудъ станетъ дѣлаться все болѣе и болѣе недостаточнымъ, то это, могу сказать, было моею цѣлью: нельзя будетъ не радоваться видя, какъ уровень непосредственнаго историческаго познанія можетъ у насъ со временемъ возвыситься до того, что моя работа окажется для многихъ ничтожною, но мнѣ по крайней мѣрѣ не откажутъ въ томъ, что я самъ же содѣйствовалъ къ ея уничтоженію. Я первый буду считать себя весьма счастливымъ, если тотъ или другой молодой человекъ, познакомившись чрезъ меня съ значительною частью трудовъ Литтиранда, или Адама Бременскаго, не захочетъ довольствоваться тѣмъ, бросить мою книгу въ сторону, возьметъ въ руки подлинникъ, изданія котораго, лучшіе переводы и и критика указаны мною же именно на такой желанный случай, и изучитъ самымъ непосредственнымъ образомъ и писателя въ его эпохѣ, и эпоху въ ея писателѣ. Прочтя въ послѣднее время столько памятниковъ, я могъ бы конечно безъ особеннаго труда написать не одинъ томъ и не одно изслѣдованіе, на основаніи изученныхъ мною источниковъ, и болѣе удовлетворить свое самолюбіе притязаніями на ученое авторство, обращаясь съ своими критическими работами къ одной избранной ученой публикѣ; но я предпочелъ болѣе скромный и болѣе страдательный трудъ, съ тѣмъ чтобы остаться позади всѣхъ и дать другимъ идти впередъ. Ко-

нечто весьма немногіе обратятся въ послѣдствіи къ исторической наукѣ, какъ къ предмету изслѣдованія, но для огромнаго большинства эта наука всегда останется однимъ изъ проводниковъ къ образованію. Никто не сомнѣвается въ пользѣ путешествія по чужимъ странамъ; исторію же можно назвать именно путешествіемъ по чужому времени, изъ котораго возвращаясь съ освѣженными силами домой — въ свое настоящее.

Въ новомъ періодѣ среднихъ вѣковъ, содержаніе котораго составляетъ второй томъ, я имѣлъ предъ собою писателей рѣзко отличающихся по своему характеру отъ историковъ предшествующаго періода. Это обстоятельство и другія соображенія заставили меня значительно отступить отъ приемовъ, которыми я слѣдовалъ въ первомъ томѣ. Я долженъ былъ начать съ того, что измѣнилъ самое расположеніе частей; сначала имѣя въ виду болѣе равномерность, нежели общепринятое раздѣленіе исторіи среднихъ вѣковъ на періоды, я предположилъ довести второй томъ до конца XII столѣтія, т. е. до середины крестовыхъ походовъ, и включить туда же исторію Востока; но важность эпохи Карла V., Оттона V. и въ особенности Гильдебранда заставила меня ограничиться одною западною Европою и притомъ въ размѣрѣ общепринятаго раздѣленія на періоды, т. е. до начала крестовыхъ походовъ. За то, во второмъ томѣ, извѣстія изъ писателей не имѣютъ болѣе той отрывочности, какъ то было въ первомъ томѣ. Новая историческая форма втораго періода, а именно, біографія, доставила мнѣ возможность помѣстить важнѣйшіе памятники даже въполнѣ; такъ, жизнь Карла V., Лудовика Благочестиваго, Альфреда V., архіепископа Бруно, императрицы Аделаиды, Одилона Клюбійскаго, Гейнриха IV и мн. др. приведена въ цѣлости. Важнѣйшія хроники, какъ Ліутпранда, Видукинда, Титмара, Рикера, Адама, Ламберта и др. помѣщены въ большихъ извлеченіяхъ и притомъ не иначе, какъ съ подробнымъ анализомъ содержанія всего лѣтописца, какъ предъ началомъ отрывка, такъ и послѣ, до конца хроники. Я обратилъ особенное вниманіе на прологи лѣтописцевъ, потому что они всего лучше характеризуютъ писателя и объясняютъ, какъ понимали въ то время историческое искусство. Не мало помѣщено мною также законодательныхъ памятниковъ, писемъ и произведеній народной литературы того времени: такъ, приведены важнѣйшіе капитуляріи Карла V.,

Карла Лысаго, статутъ Николая II, письма Алкуина, Григорія VII, извлеченія изъ древней и новой Эдды, поэмы о Нибелунгахъ и т. д.

Въ остальномъ я держался прежняго порядка: въ концѣ каждой статьи у меня помѣщается біографическій и библиографическій указатель съ изложеніемъ важнѣйшихъ событій жизни автора, его отношеній къ своей эпохѣ, перечисленіе лучшихъ изданій, переводовъ и критики его сочиненій и т. д. Годы, помѣщенные въ оглавленіи статьи тѣмъ же шрифтомъ, относятся ко времени описываемаго событія или жизни лица; годъ же, помѣщенный въ скобкахъ подъ оглавленіемъ непосредственно, указываетъ на время, въ которое писалъ авторъ; такимъ образомъ читатель съ перваго взгляда можетъ видѣть, на сколько близокъ или далекъ былъ историкъ къ описываемому имъ событію.

Въ концѣ тома нынѣшній разъ я счелъ необходимымъ помѣстить нѣсколько родословныхъ таблицъ для объясненія степеней родства лицъ, упоминаемыхъ лѣтописцами. Таблица № 1 имѣетъ преимущественно въ виду писателей IX вѣка и хронику монаха Рикера (ст. 40); таблица же № 2, принаровлена главнымъ образомъ къ „Антаподозису“ Лютпранда (ст. 23, 27, 29 и 31), хотя она необходима для чтенія и другихъ писателей X вѣка.

Сверхъ того приложена „Карта св. Римской имперіи, ея вассаловъ и сосѣдей“; желая сдѣлать свою карту болѣе пригодною для чтенія лѣтописцевъ, я принужденъ былъ, чтобы увеличить масштабъ, избрать только ту часть западной Европы, которая была во второмъ періодѣ главнымъ театромъ дѣйствія и наиболѣе подверглась территоріальнымъ измѣненіямъ, т. е. Германію, Италію, западную Францію и Славянскую марку; для Англіи же и Испаніи можно пользоваться картою перваго тома отъ 711 года. Вслѣдствіе того я имѣлъ возможность помѣстить на новой картѣ до 400 городовъ, мѣстечекъ, монастырей и замковъ. Самая карта составлена мною по той работѣ Киперта, которая приложена къ исторіи Германіи В. Гизебрехта, но помѣчены только тѣ мѣста, которые упоминаются въ лѣтописцахъ. Города, поставленные въ скобкахъ, какъ Мюнхенъ, Брюссель и др., обозначены только для удобства ориентированія на картахъ новой географіи. Особенно подробно я старался опредѣлить Славянскую марку, потому что она была главнымъ театромъ дѣйствія отъ Карла В. до крестовыхъ походовъ, и можно даже связать, что въ IX, X и XI вѣкахъ она служила Палестиною Германіи: въ теченіи трехъ столѣтій, отъ Карла В. до Гейнриха IV, туда направлялись безпрерывные походы, имѣвшіе такой же священный характеръ, какъ и позднѣйшіе крестовые походы, потому что дѣло

шло о распространеніи христіанства на сѣверѣ. Это мѣсто карты необходимо въ особенности при чтеніи Титмара, Гельмольда, Адама Бременскаго и Випона.

Меня упрекали также, по поводу перваго тома, въ неполнотѣ комментарій; но я не считалъ возможнымъ комментировать каждую страницу отдѣльно, какъ будто бы ни чего не было сказано выше. Самое размѣщеніе статей сдѣлано мною такъ, что одна служить объясненіемъ другой; а если, наприм., для того, кто читаетъ исторію завоеванія Англіи у Матвѣя Парижскаго, покажется пропускомъ съ моей стороны то, что я при упоминеніи лѣтописцемъ какаго-то Эдгара не объясняю тутъ же, чѣмъ это была за личность, то я имѣлъ на то основаніе, потому что выше у Роберта Васэ и друг. не только то объяснено, но и мною приложена генеалогическая таблица; кромѣ того, предъ каждою эпохой я помѣстилъ историческій обзоръ, объясняющій многое, что непонятно въ отдѣльномъ лѣтописцѣ. Если бы я рѣшился комментировать каждую страницу, то мнѣ пришлось бы множество разъ повторить одно и то же, а иную страницу обратить въ отдѣльное сочиненіе. Наконецъ, я не могъ бы и думать составить такіе комментаріи, которые сдѣлали бы излишнимъ и учебникъ и преподавателя; большую часть комментарій я долженъ былъ предоставить именно дѣятельности послѣдняго.

Въ заключеніе, считаю своимъ долгомъ выразить всю признательность Редакціи Журнала Мин. Народ. Просвѣщенія за матеріальное содѣйствіе, которое мнѣ было оказано ею при изданіи перваго тома: первый томъ былъ изданъ прибавленіемъ къ тому журналу за 1863 годъ, на основаніи прежней его программы, которая имѣла въ виду издавать время-отъ-времени, сверхъ 12 нумеровъ, особое прибавленіе, содержаніе котораго имѣло бы отношеніе къ преподаванію той или другой науки. Предстоящая перемѣна программы того журнала исключила на будущее время особаго прибавленія, и потому я принялъ на себя изданіе послѣдующихъ томовъ своего труда, продолжая тѣмъ не менѣе считать большимъ матеріальнымъ облегченіемъ и то, что по крайней мѣрѣ третья часть всего изданія могла быть пущена по самой умеренной цѣнѣ.

Послѣдній томъ, къ которому я приступаю теперь, будетъ обнимать собою послѣдній и самый важный періодъ среднихъ вѣковъ, отъ начала крестовыхъ походовъ до конца XV столѣтія.

М. С.

25 марта 1864 года.